

Языки народов зарубежных стран (германские языки)

Научная статья

УДК 81'246.2

DOI: 10.20323/2499-9679-2022-4-31-108-118

EDN: PNWDTS

**Присвоение грамматического рода английским вкраплениям
в русских и немецких предложениях**

Галина Николаевна Чиршева¹✉, Дарья Валериевна Горбунова²

¹Доктор филологических наук, профессор кафедры германской филологии и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет». 162600, г. Череповец, пр. Луначарского, д. 5

²Преподаватель ЧОУ ДО «Языковая школа ИнтерГлосса». 162610, г. Череповец, ул. Менделеева, д. 14

¹chirsheva@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-3757-3673>

²daria4nova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9081-4697>

Аннотация. При попадании иноязычного слова в язык, имеющий грамматическую категорию рода, возникает необходимость его адаптации к новой грамматической системе. В русском и немецком языках нет устоявшихся правил по употреблению иноязычного существительного в том или ином роде. Оно может получить определенный род или несколько родов в зависимости от разных критериев и ситуаций использования. Цель статьи – выявить стратегии студентов-лингвистов в присвоении рода английским вкраплениям в русских и немецких контекстах. Материалом исследования послужили 2000 словоупотреблений английских существительных, которым в ходе экспериментального анкетирования 10 студентов-лингвистов присваивали род в 100 русских и 100 немецких предложениях. В результате исследования удалось установить, что в русских предложениях русские студенты-лингвисты, обычно руководствуются семантической аналогией, то есть присваивают англицизмам тот род, который имеет эквивалент этого слова в их родном (русском) языке, а в немецких предложениях они чаще опираются на фонетическую стратегию. При этом англицизмам как в русских, так и в немецких предложениях обычно присваивают женский или мужской род, а средний используют крайне редко. Полученные результаты позволяют утверждать, что специфика присвоения рода английским существительным в русском и немецком контекстах может служить одним из критериев разграничения заимствований и кодовых переключений: для кодовых переключений характерна большая вариативность и значительные расхождения в присвоении рода, а у заимствований род стабилизируется и в принимающем языке уже не варьируется.

Ключевые слова: англицизм; переключение кода; вкрапление; матричный язык; грамматический род; семантическая стратегия; фонетическая стратегия; русский; английский; немецкий

Для цитирования: Чиршева Г. Н., Горбунова Д. В. Присвоение грамматического рода английским вкраплениям в русских и немецких предложениях // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 4 (31). С. 108–118. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-4-31-108-118>. <https://elibrary.ru/PNWDTS>

Languages of foreign countries (germanic languages)

Original article

Assigning grammatical gender to english nouns in russian and german sentences

Galina N. Chirsheva¹, Daria V. Gorbunova²

¹Doctor of philological sciences, professor, the department of germanic philology and intercultural communication, Cherepovets state university. 162600, Cherepovets, Lunacharsky ave., 5

²Teacher, Private educational institution «InterGlossa language school». 162610, Cherepovets, Mendeleeva st., 14

¹chirsheva@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-3757-3673>

²daria4nova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9081-4697>

Abstract. A foreign word that enters a language with the gender category has to be adapted to the new grammatical system. In russian and german, there are no established rules for assigning a particular gender to borrowed and code-switched nouns. Depending on different criteria, a foreign noun can be assigned either a particular gender or allotted to several gender classes. The primary aim of the article is to identify specific features of gender assignment by russian students of lin-

guistics and to reveal gender assignment strategies applying to english nouns used in russian and german sentences. The data for the research are 2000 cases of gender-assigned english nouns used in 100 russian and 100 german sentences of the questionnaire completed by 10 russian students of linguistics. The authors have found out that when the Matrix language of the sentence is russian, students apply semantic strategy, i.e. rely on the gender of their russian equivalents. Phonetic strategy is more actively employed when the Matrix language is german. The most frequent genders assigned by the students to anglicisms in both languages are feminine and masculine, with neuter being very rare.

Key words: anglicism; code-switch; insertion; the Matrix language; grammatical gender; semantic strategy; phonetic strategy; russian; english; german

For citation: Chirsheva G. N., Gorbunova D. V. Assigning grammatical gender to english nouns in russian and german sentences. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2022;(4):108–118. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-4-31-108-118>. <https://elibrary.ru/PNWDT5>

Введение

При заимствовании слов из других языков или при их использовании в виде кодовых переключений возникает необходимость оформлять их в речи по правилам принимающего языка. Так, когда в язык, имеющий грамматическую категорию рода (русский, немецкий и т. д.), заимствуется существительное, оно обязательно нуждается в присвоении рода. В разных языках этот процесс осуществляется по определенному набору критериев и завершается разными, зачастую неоднозначными результатами. Эти проблемы требуют тщательного изучения на материале разных комбинаций языков-доноров и языков-реципиентов.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами:

1) необходимостью изучения закономерностей присвоения рода существительным в языках, чья грамматика имеет категорию рода,

2) недостаточной изученностью проблем грамматической ассимиляции, которые возникают при взаимодействии языков в билингвальной речи.

Изучение проблем присвоения рода уже рассматривалось в работах ряда отечественных и зарубежных ученых: в процессе кодовых переключений [Poplack, 2004; Chirsheva, 2009; Чиршева, 2014; 2020; Audring, 2016; Karkaletsou, Paspali, 2022], в процессе согласования по роду в разных ситуациях и в разных языках [Corbett, 1991; Kirova, Samacho, 2021]. Однако проведенных исследований пока недостаточно, чтобы проследить тенденции присвоения рода иноязычным существительным во многих, даже уже рассмотренных языковых комбинациях. Особого внимания требует специфика присвоения рода англицизмам, которые активно внедряются в разные языки.

Гипотеза исследования: как в русских, так и в немецких предложениях студенты-лингвисты обычно присваивают род английскому существительному по семантической аналогии, то есть руководствуясь тем родом, которое имеет эквивалент слова в их родном (русском) языке.

Цель работы – выявить специфику и сравнить стратегии студентов-лингвистов в присвоении рода английским вкраплениям в русских и немецких предложениях.

Материал исследования – 100 английских существительных, которым 10 студентов-лингвистов присваивали род в 100 предложениях на русском и 100 предложениях на немецком языках – извлечен из онлайн-опросов, проведенных в апреле 2021 г. и апреле 2022 г. Анкета с русским языком как матричным уже использовалась в ходе опроса русских американцев разных возрастных групп [Chirsheva, 2009], однако дальнейшие исследования на ее основе [Чиршева 2014] и наблюдения за русско-английской билингвальной речью показали, что полученные результаты достаточно противоречивы, поэтому необходима их дальнейшая проверка.

Для верификации полученных ранее данных для тех же самых английских существительных были составлены немецкие предложения, а анкеты заполняли те же студенты, которые участвовали в первом этапе. Сравнение полученных результатов позволяет сопоставить специфику стратегий присвоения рода одним и тем же иноязычным словам в родном и неродном языках.

Теоретический обзор

Проблемам англицизмов к настоящему времени посвящено довольно много работ, поскольку они проникают во все языки мира. При этом в каждой ситуации, по мнению исследователей языковых контактов, возникает необходимость их грамматической адаптации [Yang, 1990; Морозова, Носкова, 2007; Onysko, 2007; Kovács, 2009; Дьяков, 2012; Маринова, 2013; Симонова, 2015; Шумкова, 2015; Ветюгова, 2015; Палванова, Ваисова, 2017; Шагалова, 2018; Лошакова, Павленко, 2019; Яхина, Афонина, 2021; Korf, 2022].

Менее активно исследованы проблемы грамматического взаимодействия английских существительных с иноязычным контекстом, когда эти слова выступают в виде кодовых переключений [Poplack, 2004; Геранина, 2007; Чиршева, 2008; 2012; 2014; 2020; Манина, 2010).

Помимо монографии Г. Корбетта «Gender», ставшей уже классической для тех, кто изучает категорию грамматического рода [Corbett, 1991], а также изданной под его редакцией коллективной монографии The Expression of Gender [Corbett 2014], проблемы рода и стратегий его присвоения рассматривались и продолжают рассматриваться в работах отечественных и зарубежных лингвистов [Ермолаева, 1987; Виноградов, 1990; Лопатина, 1990; Doleschal, 2001; Морозова, 2008; Thornton, 2009; Маринова, 2013; Bianchi, 2013; Клементьева, 2014; Хорольцева, 2014; Вьюшкина, 2015; Ветюгова, 2015; Audring, 2016; Ширяева, 2017; Шагалова, 2018; Скрипкина, 2018; Boers, 2020; Шарандин, 2021; Auer, Siegel, 2021].

Заметно активизировались в последнее время и те исследования, в которых изучаются проблемы усвоения категории рода и особенности его присвоения в ходе формирования билингвизма в семье и при изучении иностранных языков. Этим вопросам посвящены статьи [Dewaele, Veronique, 2001; Чиршева, 2020; Kirova, Camacho, 2021; Ayoun, Maranzana, 2022; Bosch et al., 2022; Cuza, Sanchez, 2022; Ecke, 2022; Edmonds et al., 2022; Spino, 2022; Van Osch et al., 2022], монографии [Mills, 1986; Franceschina, 2005; Diebowski, 2021, Ayoun, 2022].

В русско-английских кодовых переключениях проблемы присвоения рода и стратегии, которые при этом используются, уже изучались в отдельных работах [Chirsheva, 2009; Чиршева, 2014; 2020]. Однако эти вопросы продолжают постоянно возникать, вызывая дискуссии, связанные как с оценкой особенностей формирования билингвальной компетенции, так и со спецификой билингвальной коммуникации.

В ходе присвоения рода английским существительным в предложении действует сложная система, опирающаяся как на семантические, так и на формальные критерии, поэтому в тех случаях, когда возникает необходимость отнести иноязычные слова к какому-то роду, могут активизироваться любые из них [Чиршева, 2014, с. 79].

Фонетический критерий, лежащий в основе фонетической стратегии, основывается на звуковом облике слова. Он может проявиться в разных языках по-разному, например, для русскоговорящих конечные гласные форманты *-a*, *-я* оказывают значительное влияние на присвоение женского рода, форманты *-e*, *-o* – на присвоение среднего рода. Мужской род чаще всего присваивают существительным, имеющим конечный согласный звук (на письме – букву, обозначающую этот согласный звук).

Семантическая аналогия подразумевает присвоение рода по аналогии с тем, какой род имеет пере-

водной эквивалент существительного. Таким образом, английскому слову *knife* может быть присвоен мужской род по аналогии с русским словом *нож* (м.р.) или средний род по аналогии с немецким эквивалентом *das Messer* (ср.р.).

Для немецкого языка актуальным формальным критерием является и морфологический. Согласно этому критерию, заимствованные существительные, имеющие в матричном и гостевом языках сходные морфемы, получают тот род, который свойственен словам с такими морфемами в матричном языке. Например, существительные, имеющие в качестве конечной морфемы на *-er* в немецком и *-er* в русском, относят к мужскому роду, поэтому английскому слову *browser*, которое также имеет конечную морфему *-er* тоже присваивают мужской род. В немецком языке англицизмы с суффиксами *-er*, *-or*, *-ist*, *-ster* получают мужской род, с суффиксами *-ment*, *-ing* – средний, с суффиксами *-ion*, *-ness*, *-ity* – женский. Кроме того по правилам немецкой грамматики средний род получают все англицизмы, заканчивающиеся на *-ing* и все отглагольные заимствованные существительные [Ветюгова, 2015, с. 304].

В ряде случаев семантическая и фонетическая стратегии могут совпадать: слово и его конечная морфема заканчиваются согласным звуком, и переводной эквивалент имеет мужской род. В таких случаях действует смешанная стратегия.

Методология и процедура исследования

Материал исследования собран в ходе анкетирования 10 студентов-лингвистов, которые должны были в 100 русских и 100 немецких предложениях согласовать по роду английские существительные. С подобной задачей постоянно сталкиваются те, кто включает в свою русскую или немецкую речь английские существительные, поэтому проверить, как это происходит в уже заданных условиях, представляется чрезвычайно значимым.

Анкета, которую заполняли студенты, была представлена в двух вариантах: 1) с русскими предложениями, которая была составлена ранее и апробирована с другими участниками [Чиршева, 2014], 2) с немецкими предложениями, которая впервые была использована в данном исследовании.

Следует заметить, что английские существительные в обеих экспериментальных анкетах – одни и те же. Студенты, которые являлись респондентами, тоже не менялись, но вторую анкету они заполняли через год после первой.

Мы предполагали, что разная компетенция в матричных языках анкет (русский – родной, немецкий – второй из изучаемых иностранных) может оказать влияние на выбор стратегии присво-

ения рода и на конкретный род, который студенты будут присваивать англицизмам. Практически все английские слова в анкете входили в активный лексикон студентов.

Важным дополнением к анкете была просьба после ее заполнения высказать мнение о том, по каким причинам выбирался тот или иной род. Рефлексия студентов о процессе присвоения рода тем словам, которые своего рода не имеют, дает ценный материал, который помогает объяснить противоречивость рассматриваемого явления.

Научные результаты и дискуссия

Наиболее заметной в присвоении рода стала стратегия, основанная семантической аналогии (семантическая стратегия). 25 существительным и в русских, и в немецких предложениях присвоен грамматический род их русского переводного эквивалента, то есть участники для обоих языков часто пользовались семантической стратегией.

Например, вкрапление *violin* («скрипка» – ж. р.) получило ж. р. в 80 % случаев, как в русском, так и в немецком предложении:

м.р.	Красивый <i>violin!</i> – 10%	Der schöner <i>violin!</i> – 20%
ж.р.	Красивая <i>violin!</i> – 80%	Die schöne <i>violin!</i> – 80%
с.р.	Красивое <i>violin!</i> – 10%	Das schönes <i>violin!</i> – 0%

Русский эквивалент «скрипка» имеет ж. р. что и послужило его присвоению в большинстве случаев. Немецкие эквиваленты «die Geige» / «die Violine» тоже имеют женский род. В немецком предложении никто из респондентов не выбрал с.р., а в русском его присвоили в 10 %.

Вкрапление *candle* («свеча» – ж.р.) также в большинстве случаев в обоих языках получило тот же род, что и у русского эквивалента.

м.р.	Праздничный <i>candle!</i> – 30%	Der <i>candle</i> brennt. – 10%
ж.р.	Праздничная <i>candle!</i> – 70%	Die <i>candle</i> brennt. – 90%
с.р.	Праздничное <i>candle!</i> – 0%	Das <i>candle</i> brennt. – 0%

м.р.	Их <i>suspicion</i> не оправдался. – 70%	Sie hatten einen ernsthaften <i>suspicion</i> . – 50%
ж.р.	Их <i>suspicion</i> не оправдалась. – 0%	Sie hatten eine ernsthafte <i>suspicion</i> . – 30%
с.р.	Их <i>suspicion</i> не оправдалось. – 30%	Sie hatten ein ernsthaftes <i>suspicion</i> . – 20%

Мужской род выбрали, как указали сами студенты, «по звучанию» суффикса слова, который оканчивается на согласный: /sə'spɪʃ.ən/. При этом в русском предложении женский род никто не выбрал, а в немецком он стал вторым после мужского. В немецком варианте анкеты это может быть вызвано влиянием морфологического критерия, так как на *-cion* (*-tion*, *-sion*) заканчиваются существительные женского рода. В русском также мог

вторым по количеству присвоения стал м.р. как в русском, так и в немецком предложениях, а с.р. не был присвоен ни в одном из языков. Несмотря на сильное влияние семантической аналогии, небольшое количество респондентов все же воспользовались фонетическим критерием, вероятно, из-за графического облика слова, которое завершается на письме «немой» гласной *-e* (silent *-e syllable*): /'kændəl/* или /'kændl/ (*здесь и далее приводится произношение согласно транскрипциям IPA – International Phonetic Alphabet).

Вкраплению *plate* («тарелка» – ж. р.) в русском, и в немецком предложениях большинство студентов присвоили женский род:

м.р.	Возьми свой <i>plate</i> . – 0%	Der <i>plate</i> wird gewaschen. – 20%
ж.р.	Возьми свою <i>plate</i> . – 90%	Die <i>plate</i> wird gewaschen. – 80%
с.р.	Возьми свое <i>plate</i> . – 10%	Das <i>plate</i> wird gewaschen. – 0%

В русских предложениях вторым по количеству присвоения родом стал средний, а в немецком – мужской. Это связано с влиянием фонетического критерия (произношение слова в английском варианте) и, как и в предыдущем случае – графического облика слова (с немой *-e*: /pleɪt/).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что на выбор русских студентов, которые большую часть времени используют русский язык, а немецкий – намного реже, заметнее влиял род русского эквивалента.

Слов, где в обоих языках в присвоении рода преобладал фонетический критерий, – 19.

Например, вкрапление *suspicion* («подозрение» – с. р.) в большинстве случаев приобрело в обоих языках мужской род, хотя его русский аналог – среднего рода:

сработать морфологический критерий, когда по правилам полной трансморфемизации заимствования в русском суффиксы *-cion* заменяется на эквивалентный комплекс суффикс+окончание *-ция* женского рода (Лошакова, Павленко 2019). Тот факт, что слово не было адаптировано, повлиял на то, что в русском женский род никто не присвоил, а в немецком он стал вторым по присвоению, потому что в изменении суффиксов и окончаний не нуждался.

Вкраплению *threat* («угроза» – ж. р.) в русском предложении присваивали мужской род немного чаще, чем женский (60 % и 40 %). В немецком наблюдалось более заметное расхождение в выборе рода – м. р. и ж. р. присвоены в одинаковом количестве – 40%, а 20% – с. р. В русском варианте анкеты средний род студенты не выбирали.

м.р.	Это был <i>threat</i> ? – 60%	Er erhielt dieser <i>threat</i> von einer anonymen Quelle. – 40%
ж.р.	Это была <i>threat</i> ? – 40%	Er erhielt diese <i>threat</i> von einer anonymen Quelle. – 40%
с.р.	Это было <i>threat</i> ? – 0%	Er erhielt dieses <i>threat</i> von einer anonymen Quelle. – 20%

40 % случаев, когда слову присвоили ж. р. в русском, и в немецком предложении, вызвано влиянием семантического критерия, но мужской род все же присваивался активнее – по фонетическому критерию (закрытый слог в конце слова). Соперничество между мужским и средним родом наблюдается и в других примерах.

С вкраплением *staircase* («лестница» – ж. р.) наблюдается относительное согласие респондентов в русских предложениях и заметный разброс выбора рода в немецких предложениях:

м.р.	Там был крутой <i>staircase</i> . – 70%	Es gibt einer alter <i>staircase</i> . – 30%
ж.р.	Там была крутая <i>staircase</i> . – 20%	Es gibt eine alte <i>staircase</i> . – 40%
с.р.	Там было крутое <i>staircase</i> . – 10%	Es gibt ein altes <i>staircase</i> . – 30%

Выбор мужского рода в 70% в русском спровоцирован согласным окончанием слова: /'stɛɪ,keɪs/. При этом очевидно влияние фонетического критерия, в рус. «семантический» женский род присвоили только 20 %, а в нем. его не выбрали 60 % респондентов, которые отдали предпочтение мужскому и среднему родам. Почти всегда, когда наблюдается резкое разногласие в выборе рода, очевидно действие фонетического критерия.

Стоит также отметить, что в немецком языке часто может не быть различия между формами согласования мужского и среднего рода, когда в русском это различие в именительном падеже четко прослеживается, напр. м.р. – *mein/мой*, ж.р. – *meine/моя*, с.р. – *mein/моё*. Респондентам, чей родной язык русский, выбор между м.р. и с.р. может оказаться не принципиальным.

Смешанная стратегия наблюдалась для 18 существительных, где на присвоение рода одновременно могли оказать влияние и семантический, и фонетический критерий. Сюда были отнесены и те существительные, которые имеют несколько пере-

водных эквивалентов разного рода (см. №1, 3, 10, 33 и др. в анкете).

Так, вкрапление *face* («лицо» – с. р.) получило почти противоположные результаты в русском и немецком:

м.р.	Вытри свой <i>face</i> . – 50 %	Wasch dein <i>face</i> . – 30 %
ж.р.	Вытри свою <i>face</i> . – 0%	Wasch deine <i>face</i> . – 50%
с.р.	Вытри свое <i>face</i> . – 50%	Wasch dein <i>face</i> – 20 %

В обоих языках эквиваленты слова *face* имеют с. р. – *лицо* и *das Gesicht*. Однако в русском предложении его присвоила половина респондентов – 50 %, а в немецком – всего 20 %.

В русском варианте анкеты фонетический критерий повлиял на присвоение м. р. в 50 %: /feɪs/, окончание на согласный (слог с немой *e*), в немецком его присвоили только 30 %. Помимо этого, ж. р. в русском не был присвоен совсем, в то время как в немецком оказался наиболее выбираемым. Возможно, согласование с женским родом оказалось наиболее удобным для произношения, за счет гласного окончания: *dein-e face*.

У вкрапления *basket* («корзина» – ж. р.) заметны резкие разногласия в выборе рода м. р. в русском выбирали чаще всего, а в немецком – реже всего; ж. р., который в русском выбрали 40 %, в немецком стал наиболее присваиваемым – 60 %; с. р., который в русском никто не выбрал, в немецком стал вторым по количеству (30 %):

м.р.	Этот большой <i>basket</i> . – 60%	Dieser <i>basket</i> ist zerrissen. – 10%
ж.р.	Эта большая <i>basket</i> . – 40%	Diese <i>basket</i> ist zerrissen. – 60%
с.р.	Это большое <i>basket</i> . – 0%	Dieses <i>basket</i> ist zerrissen. – 30%

Такие колебания вызваны и семантикой, и фонетикой слова. На присвоение ж. р. влияет семантический критерий, так как в рус. языке эквивалент «корзина» – женского рода. На присвоение м.р. и с.р. влияет фонетическая стратегия, так как у сущ. закрытый слог. Возможно, что выбор ж. р. в немецком предложении вызван более удобным произношением словосочетания: в ж. р. оно звучит более ритмично (*diese basket* – /se+b/), а в формах мужского (*dieser basket*) и среднего рода (*dieses basket*) имеют менее удобопроизносимые комбинации согласных (/ser+b/ и /ses+b/).

Наиболее частым явлением (38 случаев) было расхождение стратегий присвоения рода в двух матричных языках. Заметны наибольшие совпадения в выборе одного и того же рода в русском (по семантическому критерию) и наибольшие расхождения в выборе рода в немецком (по фонетическому критерию). См. ниже два примера с вкраплением

ями *help* («помощь» – ж. р.) и *card* («открытка», «карта» – ж.р.):

м.р.	Им нужен твой <i>help</i> . – 0%	Wir brauchen deinen <i>help</i> . – 20%
ж.р.	Им нужна твоя <i>help</i> . – 100%	Wir brauchen deine <i>help</i> . – 40%
с.р.	Им нужно твое <i>help</i> . – 0%	Wir brauchen dein <i>help</i> . – 40%
м.р.	Пошлите им рождественский <i>card</i> . – 0%	Er hat dieser <i>card</i> selbst gezogen. – 40%
ж.р.	Пошлите им рождественскую <i>card</i> . – 100%	Er hat diese <i>card</i> selbst gezogen. – 40%
с.р.	Пошлите им рождественское <i>card</i> . – 0%	Er hat dieses <i>card</i> selbst gezogen. – 20%

В русском предложении все респонденты выбрали женский род, так как русский эквивалент имеет ж. р., то есть использован семантический критерий. В немецких предложениях расхождение в выборе рода – 20 % / 40 % / 40 % – указывает на влияние фонетической стратегии. Помимо того, в целом, ж. р. не выбрали те 60 % студентов, которые отдали предпочтение м. р. и с.р., что опять свидетельствует о преобладающем действии фонетического критерия в немецком предложении.

Ту же тенденцию преобладания семантической стратегии в русском и фонетической в немецком имело и слово *spoon* («ложка» – ж.р.):

м.р.	Мне нужен <i>spoon</i> . – 10%	Der <i>spoon</i> ist sauber. – 30%
ж.р.	Мне нужна <i>spoon</i> . – 90%	Die <i>spoon</i> ist sauber. – 30%
с.р.	Мне нужно <i>spoon</i> . – 0%	Das <i>spoon</i> ist sauber. – 40%

Как и в предыдущих примерах, в русском материале преобладает семантическая стратегия (90% выбрали ж. р., который имеет русский эквивалент английского слова); в немецком варианте анкеты разброс в выборе рода (30 % / 30 % / 40 %) указывает, скорее всего, на действие фонетической стратегии.

В ряде случаев расхождение стратегий наблюдалось в обоих языках. Например, вкрапление *cap* («кепка», «фуражка», «шапка» – ж.р.) вызвало почти сходный разброс мнений у респондентов в обоих языках.

м.р.	Сними этот <i>cap</i> . – 50%	Dieser <i>cap</i> gehört nicht mir. – 50%
ж.р.	Сними эту <i>cap</i> . – 40%	Diese <i>cap</i> gehört nicht mir. – 50%
с.р.	Сними это <i>cap</i> . – 10%	Dieses <i>cap</i> gehört nicht mir. – 0%

Здесь в обоих языках в 50 % присвоен м.р. по фонетическому критерию (закрытый слог односложного слова – /кэп/). По семантическому критерию ж. р. присвоен в 40 % в русском и в 50 % в немецком. Средний род оказался присвоили только в русском варианте и всего 10 %.

В таких случаях наблюдается соперничество между фонетическим и семантическим критериями, а также между присвоением мужского и женского родов.

Наличие группы вкраплений, куда попали слова с расхождением стратегий, позволяет заключить, что в русском языке преобладает семантическая, а в немецком фонетическая стратегия присвоения грамматического рода английским существительным. Это обусловлено следующими факторами:

а) лингвистический репертуар участников опроса включает русский язык как родной (первый), а немецкий как третий (после английского, который усваивался вторым);

б) в морфологии английского и немецкого языков больше сходств, чем в морфологии русского и английского;

с) согласование существительных в русском и немецком существенно различаются; в немецком нередко совпадают формы согласования прилагательного с существительным в м.р. и с.р.

Если русский эквивалент имел мужской род, в русском предложении ему в 90 % случаев также был присвоен м.р., а в немецком наблюдалось почти одинаковый разброс в выборе рода (38 % м. р., 36 % ж. р., 26 % с. р.).

Если русский эквивалент имел женский род, в русском предложении в большинстве случаев (73,9 %) английское вкрапление получало ж. р., а в немецком наблюдалось расхождение (с повышенной тенденцией к ж. р.) – 43 % ж. р., 29,6 % м. р. и 26,4 % с. р.

Английским существительным, чьи эквиваленты в русском языке имели с.р., в русских предложениях обычно присваивали с.р. (58,2 %), несколько реже – м.р. (36,4 %). В немецких предложениях наблюдалось заметное расхождение в присвоении рода: м.р. – 33,2 %, ж.р. – 31,8 %, с. р. – 35,0 %.

Когда русских эквивалентов было несколько и они имели разный род, четко отследить влияние стратегии не удастся, но снова очевидно расхождение в выборе рода в немецком (ж.р. – 43,7 %, м.р. – 31,25 %, с.р. – 25,0 %) и преобладание м.р. в русском (58,75 %), после которого идет ж. р. (33,75 %) и реже всего – с. р. (7,5 %).

При сравнении частотности присвоения каждого рода в обоих языках можно наблюдать значительные совпадения. В обоих языках английским словам чаще всего присваивали женский род (47,9 % в русском и 40,1% в немецком). Мужской род в обоих языках присваивали немного реже (31,5 % и 31,2 %), а средний род стал наименее значимым для англицизмов (20,6% в русском и 28,7 % в немецком). Преобладание женского рода обусловлено тем, что большинство английских слов имели в русском языке эквиваленты женского рода.

Для выявления частотности, с которой студенты-трилингвы использовали стратегии присвоения рода и сравнению используемых стратегий в русском и немецком предложениях, все вкрапления с присвоенным родом из русского и немецкого опросника были распределены на три группы: «Семантическая стратегия», «Фонетическая стратегия», «Комбинация семантической и фонетической стратегии». Для русского предложения наиболее частотной является семантическая стратегия, а для немецкого – фонетическая. Комбинации двух стратегий наблюдались редко.

Эти данные коррелируют с ответами участников на вопрос «Что повлияло на ваш выбор?». По поводу русского контекста 60 % студентов выбрали вариант «Род русского эквивалента», 30 % – «Как лучше звучало» и 10 % – «Оба варианта». По поводу немецкого контекста 60 % выбрали вариант «Как лучше звучало», 20 % – «Род русского эквивалента», 10 % – «Оба варианта». Преобладание семантической стратегии в русском варианте анкеты объясняется условиями опроса: для выбранной группы билингвов русский язык является наиболее используемым в повседневной жизни, так как он является для них первым и родным (Я1), а опрос проходил в русскоговорящей языковой среде. Поэтому русский язык оказывает большое влияние на присвоение грамматического рода вкраплениям согласно роду русского аналога. Немецкий язык (Я3) данной группой в повседневной жизни и учебе используется реже, чем русский и английский, поэтому не оказывал заметного влияния на присвоение рода английским существительным согласно семантической аналогии: студенты согласились, что в немецком предложении им проще было выбрать род для английского слова «как лучше звучало».

Таким образом, согласно проведенному исследованию, в русском предложении студенты-лингвисты пользуются семантической аналогией и чаще всего присваивают английским вкраплениям тот род, который имеет его русский эквивалент. В немецком предложении превалирует фонетическая стратегия, и при этом наблюдается резкое расхождение в выборе рода разными студентами.

Полученные результаты в значительной степени противоречат тем, которые на основании той же экспериментальной анкеты (русско-английской) были получены ранее [Chirsheva, 2009; Чиршева, 2014]. Объяснить эти расхождения можно рядом причин, имеющих социопсихолингвистическую природу.

Во-первых, в данном исследовании принимали участие только студенты-лингвисты, которые воспринимали анкетирование как проверку их знаний, хотя это анкетирование было анонимным, и иссле-

дователи объясняли, что неправильных ответов не существует – есть лишь разные стратегии, которые и нужно выявить. В предыдущих случаях лингвистов среди участников анкетирования было очень мало, поэтому многие из информантов чувствовали себя свободно и не волновались по поводу результатов, особенно русские в США.

Во-вторых, в данном случае количество анкетированных было незначительным, намного меньше, чем в предыдущих экспериментах. Поэтому пока приходится говорить лишь о намеченных тенденциях, которые необходимо проверять на более репрезентативном материале.

Заключение

Наличие категории рода в языке подтверждается в наличии согласования существительного с другими членами предложения и/или артиклями. Использование иностранного слова (вкрапления) в языке призывает к грамматической адаптации этого слова. Вкрапления, используемые в матричном языке, приобретают грамматические категории, например, категорию рода, даже если они изначально её не имели. Назначение рода вкраплению происходит под влиянием разных стратегий: семантической, фонетической, морфологической или их комбинаций.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Матричный язык оказывает заметное влияние на выбор стратегии присвоения рода существительным из гостевого языка. Если матричным в предложении является русский язык, на присвоение рода английским существительным у русскоязычных студентов преобладает семантическая стратегия; если матричным является немецкий (второй из изучаемых иностранных языков), преобладает фонетическая стратегия.

В немецких предложениях у студентов-лингвистов наблюдается наибольшее количество расхождений в выборе рода, а в русских, наоборот, – наибольшее совпадение в выборе одного и того же рода.

В рамках данного экспериментального анкетирования англицизмам чаще всего присваивался женский род. Этот факт объясняется тем, что вкраплений с переводным эквивалентом женского рода было больше. Мужской род присваивался с одинаковой частотностью и в русских, и в немецких предложениях. Этот род выбирали, руководствуясь конечным формантом существительного: он был представлен закрытым слогом, в том числе и с непроизносимым –е в его написании.

Ответы студентов по причинам выбора стратегий совпадают с результатами проведенного анализа: в русском предложении преобладает присвоение

рода по семантической стратегии, а в немецком – по фонетической. Так, на вопрос «Что повлияло ваш выбор?» большинство участников в анкете с русскими матричным языком выбрало вариант «Род русского эквивалента» (семантическую аналогию), а в анкете с немецким матричным языком – вариант «Как лучше звучало» (фонетическая стратегия). По мнению студентов, на выбор рода для английского существительного оказывала влияние и его удобопроизносимость в сочетании с согласующимися по роду словами.

В определенной степени присвоение рода связано и с уровнем компетенции студентов в трех языках, а также с их уверенностью в знаниях иностранных языков. В русских предложениях студентам были понятны все детали контекста, поэтому английским вкраплениям они, зная их значение, по семантической аналогии присваивали грамматический род русского эквивалента. В немецком языке как ЯЗ они чувствовали себя не столь уверенно, но знали, что род существительных нередко отличается от рода эквивалентных русских слов, поэтому и к английским вкраплениям чаще применяли фонетическую стратегию, то есть опирались на их произношение.

Вопросы, которые связаны с грамматическим родом вкраплений, всегда остаются актуальными. В связи с этим перспективы изучения присвоения рода представляют значительный интерес для дальнейших исследований. Например, для получения надежных результатов, можно сделать в анкете одинаковое количество переводных эквивалентов мужского, женского и среднего родов. Поскольку мужской и средний род имеют ряд сходных падежных форм, есть смысл провести эксперимент, где участникам будет предложено выбирать всего из двух родов: мужского и женского или мужского и среднего. Продумать следует также специфику контекстов, учитывая единообразие или разнообразие сочетающихся с существительным слов (прилагательных, глаголов, притяжательных и указательных местоимений и т.д.), а также грамматические формы самих существительных (число, падеж).

Поскольку проблема присвоения рода актуальна как для заимствований, так и для кодовых переключений, данная работа дает пищу для размышлений, в частности, о том, что специфика присвоения рода английским существительным в русском и немецком контекстах может служить одним из критериев разграничения этих явлений: для кодовых переключений характерна большая вариативность и значительные расхождения в присвоении рода, а у заимствований род стабилизируется и в принимающем языке уже не варьируется.

Перспективными будут исследования в разнообразных группах информантов, например, среди русских студентов, чья компетенция в ЯЗ заметно отличается, а также среди носителей немецкого как Я1 и Я2.

Неизученным остается вопрос о влиянии гендера респондента на выбор рода, поэтому интересные результаты можно получить при проведении подобного эксперимента в разных гендерных группах.

Вопрос присвоения грамматического рода активно изучается лингвистами, которые находят разные закономерности, зависящие от множества факторов, поэтому рассмотренная проблематика до сих пор остается актуальной для дальнейших исследований.

Библиографический список

1. Ветюгова Л. А. О некоторых трудностях грамматической ассимиляции заимствованных субстантивированных частей речи в немецком языке // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике. 2015. № 3 (5). С. 303–304.
2. Виноградов В. А. Род // Лингвистический энциклопедический словарь. Москва: Советская энциклопедия, 1990. С. 417–418.
3. Вьюшкина Д. А. Этимология немецкого артикля // Молодой ученый. 2015. № 7 (87). С. 924–927.
4. Геранина И. Н. К определению понятия «иноязычное вкрапление» // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2007. № 4 (8). С. 38–40.
5. Дьяков А. И. Особенности функционирования англицизов тематической группы «Обиходно-бытовая лексика» // Язык и культура. 2012. № 4 (20). С. 5–21.
6. Ермолаева Л. С. Очерки по сопоставительной грамматике германских языков. Москва: Высшая школа, 1987. 128 с.
7. Клементьева Е. В. Адаптация иноязычных заимствований в русском языке // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 5 (27). С. 260–263.
8. Лопатина Л. Е. Согласование // Лингвистический энциклопедический словарь. Москва: Советская энциклопедия. 1990. С. 479–480.
9. Лошакова Н. А., Павленко В. Г. История и адаптация англицизов в русском языке // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2019. № 5. С. 199–205.
10. Манина С. И. Прагматические функции иноязычных вкраплений // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2010. № 1. С. 95–98.
11. Маринова Е. В. Принцип аналогии в родовом оформлении иноязычных существительных (на материале русского языка) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 6 (2). С. 145–149.
12. Морозова О. Н. Английские заимствования в современном немецком языке: лингводидактический аспект // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2008. № 12. С. 39–46.
13. Морозова О. Н., Носкова С. Э. О некоторых тенденциях языковых изменений в германской лингвокультуре

туре // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2007. № 1. С. 18–22.

14. Палванова О. И., Ваисова А. Х. Адаптация заимствований в русском языке // Молодой ученый. 2017. № 19 (153). С. 419–420.

15. Симонова С. Г. Англицизмы: современная реальность или вынужденная необходимость? // Молодой ученый. 2015. № 10 (90). С. 1399–1402.

16. Скрипкина Г. В. Категория грамматического рода в немецком языке: лингвистический и методический аспекты // Ученые записки Орловского государственного университета. 2018. № 1 (78). С. 168–172.

17. Хорольцева В. С. Англицизмы в русском и чешском языках: сферы проникновения и способы адаптации // Вестник Адыгейского государственного университета. 2014. № 2. С. 107–112.

18. Чиршева Г. Н. Кодовые переключения в общении русских студентов // Язык, коммуникация и социальная среда. 2008. № 6. С. 63–79.

19. Чиршева Г. Н. Межъязыковые инновации в речи американских русских детей // Уральский филологический вестник. 2012. № 3. С. 50–54.

20. Чиршева Г. Н. Специфика присвоения рода английским существительным в русском предложении // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336). С. 78–84.

21. Чиршева Г. Н. Особенности присвоения грамматического рода английским существительным в детской билингвальной речи // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики: материалы ежегодной международной конференции. Екатеринбург, 2 февраля 2020 г. / Урал. гос. пед. ун-т. Ч. 2. Екатеринбург, 2020. С. 32–37.

22. Шагалова Е. Н. Иноязычные речевые элементы в современной русской периодике. URL: https://revolution.allbest.ru/languages/01050229_0.html (Дата обращения: 01. 03.2022).

23. Шарандин А. Л. Род существительных в категориальной системе русского языка // Функциональная грамматика: теория и практика. Чебоксары: Чувацкий государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, 2021. С. 50–55.

24. Ширяева С. Н. Категория рода имени существительного // Молодой ученый. 2017. № 7 (141). С. 594–597.

25. Шумкова Ю. Е. Английские заимствования в современном немецком языке // Молодой ученый. 2015. № 10 (90). С. 58–59.

26. Яхина Р. Р., Афонина Е. В. Функционирование иноязычных вкраплений в русских текстах (на материале современных СМИ) // Litera. 2021. № 5. С. 33–39.

27. Audring J. Gender // Oxford Research Encyclopedia of Linguistics. 2016. 40 p.

28. Auer P., Siegel V. Grammatical Gender in the German Multiethnolect // Journal of Germanic Linguistics. 2021. V. 33, № 1. P. 5–29.

29. Ayoun D. (ed), The Acquisition of Gender: Crosslinguistic Perspectives. (2022). John Benjamins, Amsterdam, the Netherlands.

30. Ayoun D., Maranzana S. The second language acquisition of grammatical gender and number in Italian // The

Acquisition of Gender: Crosslinguistic Perspectives. Amsterdam: John Benjamins, 2022. P. 97–126.

31. Bianchi G. Gender in Italian–German bilinguals: A comparison with German L2 learners of Italian // Bilingualism: Language and Cognition. 2013. V. 16, № 3. P. 538–557.

32. Boers I. Gender in Unilingual and Mixed Speech of Spanish Heritage Speakers in the Netherlands // Multidisciplinary Digital Publishing Institute. 2020. V. 5, № 68. P. 1–30.

33. Bosch J. E., Chailleux M., Yee J., Guasti M. T., Arosio F. Prediction on the basis of gender and number in Mandarin-Italian bilingual children // The Acquisition of Gender: Crosslinguistic Perspectives. Amsterdam: John Benjamins, 2022. P. 243–272.

34. Chirsheva G. Gender in Russian English code-switching // International Journal of Bilingualism. 2009. V. 13, № 1. P. 63–90.

35. Corbett G. G. Gender. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 363 p.

36. Corbett G. G. (Ed.) The Expression of Gender. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag, 2014. 225 p.

37. Cuza A., Sanchez L. The acquisition of grammatical gender in child and adult heritage speakers of Spanish: Beyond the source of differences // The Acquisition of Gender: Crosslinguistic Perspectives. Amsterdam: John Benjamins, 2022. P. 71–96.

38. Dewaele J.-M., Veronique D. Gender assignment and gender agreement in advanced French interlanguage: A cross-sectional study // Bilingualism: Language and Cognition. 2001. Vol. 4, № 3. С. 275–297.

39. Diebowski J. Gender Acquisition in Spanish: Effects of Language and Age. Berlin/Boston: Walter de Gruyter, 2021. 286 p.

40. Doleschal U. Once again: Gender assignment in Russian. Back to the Rules? // Schaner-Wolles C., Rennison J., Neubarth F. (eds). Naturally! Linguistic studies in honour of Wolfgang Ulrich Dressler presented on the occasion of his 60th birthday. Torino: Rosenberg & Sellier, 2001. P. 105–110.

41. Ecke P. Grammatical gender and article use in beginning learners of German // The Acquisition of Gender: Crosslinguistic Perspectives. Amsterdam: John Benjamins, 2022. P. 127–156.

42. Edmonds A., Gudmestad, A., Metzger Th. The non-default gender category in additional-language French // The Acquisition of Gender: Crosslinguistic Perspectives. Amsterdam: John Benjamins, 2022. P. 157–182.

43. Franceschina F. Fossilized Second Language Grammars: The acquisition of grammatical gender. Amsterdam: John Benjamins, 2005. 288 p.

44. Karkaletsou F., Paspali A. Gender agreement in code-mixed nominal phrases // Studies in Greek Linguistics. 2022. Vol. 41. P. 87–97.

45. Kirova A., Camacho J. Failed gender agreement in L1 English L2 Spanish: Syntactic or lexical problem? // Glossa: a journal of general linguistics. 2021. V. 6, №1. P. 1–35.

46. Kopf K. Ist Sharon Manager? Anglizismen und das generische Maskulinum // Genus – Sexus – Gender. Berlin: De Gruyter, 2022. P. 65–103.

47. Kovács E. Zur Integration des Englischen in die Deutsche Sprache // Ungarn: Eszterházy Károly Hochschule. 2009. Tom. XIV, № 3 (25). P. 25–35.

48. Mills A. E. The Acquisition of Gender: A Study of English and German. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag, 1986. 173 p.

49. Onysko A. Anglicisms in German. Borrowing, Lexical Productivity, and Written Codeswitching. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2007. 376 p.

50. Poplack S. Code-Switching // An International Handbook of the Science of Language and Society. 2004. V. 1. P. 589–596.

51. Spino L. Investigating grammatical gender agreement in Spanish: A methodological exploration of eye tracking // The Acquisition of Gender: Crosslinguistic Perspectives. Amsterdam: John Benjamins, 2022. P. 183–208.

52. Thornton A. M. Constraining gender assignment rules // Language Sciences. 2009. V. 31. P. 14–32.

53. Van Osch B., Boers I., Grijzenhout J., Parafita Couto M. C., Sterken B., Tat D. Cross-linguistic influence in bilingual grammars: Evidence from gender assignment in unilingual Dutch and mixed speech // The Acquisition of Gender: Crosslinguistic Perspectives. Amsterdam: John Benjamins, 2022. P. 209–242.

54. Yang We. Anglicismen im Deutschen: am Beispiel des Nachrichtenmagazins Der Spiegel. Tübingen: Niemeyer, 1990. 237 p.

Reference list

1. Vetjugova L. A. O nekotoryh trudnostjah grammaticheskoy assimiljacji zaimstvovannyh substantivirovannyh chastej rechi v nemeckom jazyke = On some difficulties of grammatical assimilation of borrowed substantivized parts of speech in German // Aktual'nye napravlenija nauchnyh issledovanij: ot teorii k praktike. 2015. № 3 (5). S. 303–304.

2. Vinogradov V. A. Rod = Gender // Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'. Moskva: Sovetskaja jenciklopedija, 1990. S. 417–418.

3. V'jushkina D. A. Jetimologija nemeckogo artiklja = Etymology of the German article // Molodoy uchenyj. 2015. № 7 (87). S. 924–927.

4. Geranina I. N. K opredeleniju ponjatija «inojazychnoe vkraplenie» = On defining the concept «foreign insertion» // Izvestija Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo. 2007. № 4 (8). S. 38–40.

5. D'jakov A. I. Osobennosti funkcionirovanija anglicizmov tematicheskoy gruppy «Obihodno-bytovaja leksika» = Specific functioning of the Anglicisms in the «Everyday vocabulary» thematic group // Jazyk i kul'tura. 2012. № 4 (20). C. 5–21.

6. Ermolaeva L. S. Oчерки po сопоставител'noj grammatike germanskikh jazykov = Essays on comparative grammar of Germanic languages. Moskva: Vysshaja shkola, 1987. 128 s.

7. Klement'eva E. V. Adaptacija inojazychnyh zaimstvovaniy v russkom jazyke = Adapting foreign loanwords in Russian // Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'. 2014. № 5 (27). S. 260–263.

8. Lopatina L. E. Soglasovanie = Congruence // Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'. Moskva: Sovetskaja jenciklopedija. 1990. S. 479–480.

9. Loshakova N. A., Pavlenko V. G. Istorija i adaptacija anglicizmov v russkom jazyke = History and adaptation of An-

glicisms in Russian // Nauchno-metodicheskij jelektronnyj zhurnal «Koncept». 2019. № 5. S. 199–205.

10. Manina S. I. Pragmaticheskie funkcii inojazychnyh vkraplenij = Pragmatic functions of foreign insertions // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Filologija i iskusstvovedenie. 2010. № 1. S. 95–98.

11. Marinova E. V. Princip analogii v rodovom oformlenii inojazychnyh sushhestvitel'nyh (na materiale russkogo jazyka) = The analogy principle in the gender structure of foreign nouns in Russian // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. 2013. № 6 (2). S. 145–149.

12. Morozova O. N. Anglijskie zaimstvovaniya v sovremennom nemeckom jazyke: lingvodidakticheskij aspekt = English borrowings in modern German: a linguodidactic aspect // Mir lingvistiki i kommunikacii: jelektronnyj nauchnyj zhurnal. 2008. № 12. S. 39–46.

13. Morozova O. N., Noskova S. Je. O nekotoryh tendencijah jazykovyh izmenenij v germanskoj lingvokul'ture = On some trends in linguistic change in Germanic linguoculture // Mir lingvistiki i kommunikacii: jelektronnyj nauchnyj zhurnal. 2007. № 1. S. 18–22.

14. Palvanova O. I., Vaisova A. H. Adaptacija zaimstvovaniy v russkom jazyke = Adapting borrowings in Russian // Molodoy uchenyj. 2017. № 19 (153). S. 419–420.

15. Simonova S. G. Anglicizmy: sovremennaja real'nost' ili vynuždennaja neobходimost'? = Anglicisms: modern reality or forced necessity? // Molodoy uchenyj. 2015. № 10 (90). S. 1399–1402.

16. Skripkina G. V. Kategorija grammaticheskogo roda v nemeckom jazyke: lingvisticheskij i metodicheskij aspekty = Grammatical gender category in German: linguistic and methodological aspects // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 1 (78). S. 168–172.

17. Horol'ceva V. S. Anglicizmy v russkom i cheshskom jazykah: sfery proniknovenija i sposoby adaptacii = Anglicisms in Russian and Czech: areas of introduction and ways of adaptation // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 2. S. 107–112.

18. Chirsheva G. N. Kodovye pereklyuchenija v obshhenii russkikh studentov = Code-switching in Russian students' communication // Jazyk, kommunikacija i social'naja sreda. 2008. № 6. S. 63–79.

19. Chirsheva G. N. Mezhs'jazykovye innovacii v rechi amerikanskikh russkikh detej = Interlingual innovations in the speech of American Russian children // Ural'skij filologicheskij vestnik. 2012. № 3. S. 50–54.

20. Chirsheva G. N. Specifika prisvoenija roda anglijskim sushhestvitel'nyh v russkom predlozhenii = Assigning gender to English nouns in a Russian sentence // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 7 (336). S. 78–84.

21. Chirsheva G. N. Osobennosti prisvoenija grammaticheskogo roda anglijskim sushhestvitel'nyh v detskoj bilingval'noj rechi = Specifics of assigning grammatical gender to English nouns in bilingual children's speech // Aktual'nye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki: materialy ezhegodnoj mezhdunarodnoj konferencii. Ekaterinburg, 2 fevralja 2020 g. / Ural. gos. ped. un-t. Ch. 2. Ekaterinburg, 2020. S. 32–37.

22. Shagalova E. N. Inojazychnye rechevyje jelementy v sovremennoj russkoj periodike = Foreign speech elements in modern Russian periodicals. URL:

https://revolution.allbest.ru/languages/01050229_0.html (Data obrashhenija: 01. 03.2022).

23. Sharandin A. L. Rod sushhestvitel'nyh v kategorial'noj sisteme russkogo jazyka = Gender of nouns in the category system of the Russian language // Funkcional'naja grammatika: teorija i praktika. Cheboksary: Chuvashskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. I. Ja. Jakovleva, 2021. S. 50–55.

24. Shirjaeva S. N. Kategorija roda imeni sushhestvitel'nogo = The gender of a noun // Molodoy uchenyj. 2017. № 7 (141). S. 594–597.

25. Shumkova Ju. E. Anglijskie zaimstvovaniya v sovremennom nemeckom jazyke = English loanwords in modern German // Molodoy uchenyj. 2015. № 10 (90). S. 58–59.

26. Jahina R. R., Afonina E. V. Funkcionirovanie inozazychnyh vkraplenij v russkih tekstah (na materiale sovremennyh SMI) = Functioning of foreign insertions in Russian texts (based on modern mass media) // Litera. 2021. № 5. S. 33–39.

27. Audring J. Gender // Oxford Research Encyclopedia of Linguistics. 2016. 40 p.

28. Auer P., Siegel V. Grammatical Gender in the German Multiethnolect // Journal of Germanic Linguistics. 2021. V. 33, № 1. R. 5–29.

29. Ayoun D. (ed), The Acquisition of Gender: Crosslinguistic Perspectives. (2022). John Benjamins, Amsterdam, the Netherlands.

30. Ayoun D., Maranzana S. The second language acquisition of grammatical gender and number in Italian // The Acquisition of Gender: Crosslinguistic Perspectives. Amsterdam: John Benjamins, 2022. P. 97–126.

31. Bianchi G. Gender in Italian–German bilinguals: A comparison with German L2 learners of Italian // Bilingualism: Language and Cognition. 2013. V. 16, № 3. P. 538–557.

32. Boers I. Gender in Unilingual and Mixed Speech of Spanish Heritage Speakers in the Netherlands // Multidisciplinary Digital Publishing Institute. 2020. V. 5, № 68. P. 1–30.

33. Bosch J. E., Chailleux M., Yee J., Guasti M. T., Arosio F. Prediction on the basis of gender and number in Mandarin-Italian bilingual children // The Acquisition of Gender: Crosslinguistic Perspectives. Amsterdam: John Benjamins, 2022. P. 243–272.

34. Chirsheva G. Gender in Russian English code-switching // International Journal of Bilingualism. 2009. V. 13, № 1. P. 63–90.

35. Corbett G. G. Gender. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 363 p.

36. Corbett G. G. (Ed.) The Expression of Gender. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag, 2014. 225 p.

37. Cuza A., Sanchez L. The acquisition of grammatical gender in child and adult heritage speakers of Spanish: Beyond the source of differences // The Acquisition of Gender: Crosslinguistic Perspectives. Amsterdam: John Benjamins, 2022. P. 71–96.

38. Dewaele J.-M., Veronique D. Gender assignment and gender agreement in advanced French interlanguage: A

cross-sectional study // Bilingualism: Language and Cognition. 2001. Vol. 4, № 3. C. 275–297.

39. Diebowski J. Gender Acquisition in Spanish: Effects of Language and Age. Berlin/Boston: Walter de Gruyter, 2021. 286 p.

40. Doleschal U. Once again: Gender assignment in Russian. Back to the Rules? // Schaner-Wolles C., Rennison J., Neubarth F. (eds). Naturally! Linguistic studies in honour of Wolfgang Ulrich Dressler presented on the occasion of his 60th birthday. Torino: Rosenberg & Sellier, 2001. P. 105–110.

41. Ecke P. Grammatical gender and article use in beginning learners of German // The Acquisition of Gender: Crosslinguistic Perspectives. Amsterdam: John Benjamins, 2022. P. 127–156.

42. Edmonds A., Gudmestad, A., Metzger Th. The non-default gender category in additional-language French // The Acquisition of Gender: Crosslinguistic Perspectives. Amsterdam: John Benjamins, 2022. P. 157–182.

43. Franceschina F. Fossilized Second Language Grammars: The acquisition of grammatical gender. Amsterdam: John Benjamins, 2005. 288 p.

44. Karkaletsou F., Paspali A. Gender agreement in code-mixed nominal phrases // Studies in Greek Linguistics. 2022. Vol. 41. R. 87–97.

45. Kirova A., Camacho J. Failed gender agreement in L1 English L2 Spanish: Syntactic or lexical problem? // Glossa: a journal of general linguistics. 2021. V. 6, №1. P. 1–35.

46. Kopf K. Ist Sharon Manager? Anglizismen und das generische Maskulinum // Genus – Sexus – Gender. Berlin: De Gruyter, 2022. P. 65–103.

47. Kovács E. Zur Integration des Englischen in die Deutsche Sprache // Ungarn: Eszterházy Károly Hochschule. 2009. Tom. XIV, № 3 (25). P. 25–35.

48. Mills A. E. The Acquisition of Gender: A Study of English and German. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag, 1986. 173 p.

49. Onysko A. Anglicisms in German. Borrowing, Lexical Productivity, and Written Codeswitching. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2007. 376 p.

50. Poplack S. Code-Switching // An International Handbook of the Science of Language and Society. 2004. V. 1. P. 589–596.

51. Spino L. Investigating grammatical gender agreement in Spanish: A methodological exploration of eye tracking // The Acquisition of Gender: Crosslinguistic Perspectives. Amsterdam: John Benjamins, 2022. P. 183–208.

52. Thornton A. M. Constraining gender assignment rules // Language Sciences. 2009. V. 31. P. 14–32.

53. Van Osch B., Boers I., Grijzenhout J., Parafita Couto M. C., Sterken B., Tat D. Cross-linguistic influence in bilingual grammars: Evidence from gender assignment in unilingual Dutch and mixed speech // The Acquisition of Gender: Crosslinguistic Perspectives. Amsterdam: John Benjamins, 2022. P. 209–242.

54. Yang We. Anglizismen im Deutschen: am Beispiel des Nachrichtenmagazins Der Spiegel. Tübingen: Niemeyer, 1990. 237 p.

Статья поступила в редакцию 22.09.2022; одобрена после рецензирования 16.10.2022; принята к публикации 17.11.2022.

The article was submitted on 22.09.2022; approved after reviewing 16.10.2022; accepted for publication on 17.11.2022.